

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Кафедра предпринимательского права

Курсовая работа по теме:

«Правовой режим внутригрупповых сделок в банкротстве»

Выполнил студент 320 группы:

Шишов Сергей Тимофеевич

Научный руководитель

д.ю.н., профессор

Карелина Светлана Александровна

Дата представления курсовой работы в учебный отдел:

« ___ » _____ 2024 г.

Дата сдачи научному руководителю: « ___ » _____ 2024 г.

Дата защиты курсовой работы: « ___ » _____ 2024 г.

Оценка: _____

Москва

2024 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Правовая природа внутригрупповых сделок.....	8
§ 1. Понятие и квалифицирующие признаки предпринимательского объединения.....	8
§ 2. Понятие и квалифицирующие признаки внутригрупповых сделок.....	18
Глава 2. Оспаривание и субординация внутригрупповых требований в банкротстве.....	25
§ 1. Особенности оспаривания внутригрупповых сделок.....	25
§ 2. Правовые последствия оспаривания внутригрупповых сделок.....	36
§ 3. Субординация внутригрупповых требований при банкротстве.....	45
Заключение.....	51
Список используемых источников и литературы.....	55

Введение

Практика показывает, что в настоящее время любой крупный и даже средний бизнес чаще всего осуществляет предпринимательскую деятельность посредством нескольких юридических лиц, исключением являются только субъекты малого предпринимательства, которые, как правило, всё ещё ведут свою хозяйственную деятельность в рамках одной компании. Однако, использование нескольких лиц для ведения единого бизнеса встречается и у субъектов малого предпринимательства, что подтверждают многочисленные налоговые споры, в которых таким субъектам и контролирующим их лицам вменяется «дробление бизнеса» в целях получения налоговых льгот и права на использование специальных налоговых режимов. Как указывает Е.А. Суханов, «возникновение объединений, особенно в форме взаимодействующих друг с другом материнских и дочерних компаний, повлекло за собой появление новых гражданско-правовых проблем: появилась опасность того, что решения относительно имущества подконтрольной корпорации фактически будут приниматься не ее органами и не в ее интересах»¹.

Наличие предпринимательских объединений создаёт множество сложностей для правового регулирования, особенно в рамках института несостоятельности (банкротства), последствием которого, чаще всего, является конкурсное производство. В свою очередь, конкурсное право определяет порядок равномерного распределения ценности, какую представляет имущество несостоятельного должника, между кредиторами². В случае с предпринимательским объединением сложности вызывают не только определение единого субъекта, который является должником, но и множественность уровней ограниченной ответственности, определение справедливой очередности удовлетворения требований аффилированных кредиторов с соблюдением принципов *pari passu* и *pro rata*. Становится сложно

¹ Суханов Е.А. Предмет корпоративного права // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова, Москва - Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / отв. ред. Б.М. Гонгалов, В. Ем. М.: Статут, 2014. С. 171.

² Шершеневич. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – М.: Статут. 2021. – С. 102.

обеспечить баланс интересов и возможностей кредиторов, а у самого должника появляются различные возможности для злоупотреблений, для противодействия которым применяются такие способы защиты, как оспаривание сделок должника, привлечение к субсидиарной ответственности и принудительная субординация.

Правоотношения, связанные с несостоятельностью должника, осложнённые наличием отношений связанности, зависимости или контроля между различными его участниками, приводят к тому, что многие классические институты не только гражданского права, но и банкротства видоизменяются. Так, например, п. 4 ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) предусматривает при наличии критериев предпринимательского объединения перенос бремени доказывания на связанных, зависимых или подконтрольных лиц. Использование предпринимательского объединения для ведения бизнеса создаёт возможность различных злоупотреблений, в связи с чем для лиц, которые отвечают признакам связанности, зависимости или контроля, установлены иные правила, повышенные стандарты доказывания и презумпции.

Проблематика применения институтов банкротства в процессе несостоятельности группы лиц является важнейшей областью исследования. Это также подтверждается большим количеством судебных актов, регламентирующих указанные правоотношения², потому что в отсутствие законодательного регулирования судам приходится давать разъяснения и создавать новые правила поведения, что не способствует правовой определённости, однако, больше всего отвечает интересам оборота.

¹ Федеральный закон от 26.02.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² В частности, эти вопросы регламентируются в «Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс»; Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

Объектом исследования настоящей работы являются общественные отношения, возникающие при взаимодействии нескольких физических и юридических лиц, объединённых общим экономическим интересом, едиными управленческими и (или) производственными процессами, находящимися под контролем одного или нескольких лиц.

Предметом исследования выступают судебная практика, нормативно-правовые акты, научно-теоретические исследования и концепции, посвящённые банкротству группы лиц в российском и зарубежных правовых порядках.

Цели настоящей работы заключаются в определении квалифицирующих признаков и субъектного состава предпринимательского объединения; определении сущности внутригрупповых сделок; изучение существующих оснований недействительности и особенностей их применения в отношении внутригрупповых требований; анализе последствий признания внутригрупповых сделок недействительными; исследовании особенностей субординации внутригрупповых требований; систематизация судебной практики в отношении внутригрупповых требований и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правовых позиций в судебной практике в этой области.

Для исследования внутригрупповых сделок в банкротстве необходимо обозначить **задачи исследования**, посредством которых в настоящей работе раскрываются теоретический материал, доктринальные споры и проблемы правового регулирования. Автор настоящей работы ставит следующие задачи:

1. Провести сравнительно-правовой анализ подходов к определению предпринимательских объединений в ведущих мировых правовых порядках, выявить особенности регулирования и причины их возникновения.
2. Сформулировать определение предпринимательской группы посредством общенаучного анализа существующих доктринальных исследований в этой области.

3. Изучить особенности применения общегражданских подходов к пониманию сущности сделки в институте несостоятельности (банкротства).

4. Посредством метода анализа, научного моделирования, синтеза и обобщения сформулировать общее понятие внутригрупповых сделок в банкротстве.

5. Исследовать особенности недействительности внутригрупповых сделок в банкротстве.

6. Рассмотреть проблемы, связанные с применением последствий недействительности внутригрупповых сделок.

7. Проанализировать возможные подходы к субординации внутригрупповых требований и их особенности.

8. Выявить существующие проблемы в регулировании внутригрупповых сделок и изучить возможные способы их решения.

В качестве **методологической основы** выступают общенаучные и специально-юридические методы анализа. К первой группе можно отнести методы индукции, дедукции, научного моделирования, анализа, синтеза и обобщения. Ко второй группе – сравнительно-правовой, догматический, инструментальный и формально-юридический методы исследования.

Степень научной разработанности темы. Настоящее исследование основывается на трудах: И.В. Горбашева, А.В. Гурьянова, А.А. Громова, Д.В. Дождева, А.В. Егорова, С.А. Карелиной, М.И. Кулагина, Р.К. Лотфуллина, Р.Т. Мифтахутдинова, А.А. Новицкой, А.Е. Сеньшина, Е.А. Суханова, К.А. Усачёвой, А.И. Шайдуллина, А.М. Ширвиндта, Е.В. Широковой, Г.Ф. Шершеневича, Р.А. Шухорт. Для изучения зарубежного опыта использовались работы таких юристов как: Поль Дидье, Джанет Дайн, Вирджиния Харпер Хо, Клаус Дж. Хопт, Парьенте Мэгги, Ричард Сквайр.

Структурно настоящая работа разделена на 2 главы и 5 параграфов. Первая глава посвящена изучению правовой природы внутригрупповых сделок,

в первом параграфе которой исследуются квалифицирующие признаки предпринимательского объединения для определения субъектного состава внутригрупповых сделок, а во втором параграфе рассматриваются квалифицирующие признаки внутригрупповых сделок и даётся определение этому понятию. Вторая глава необходима для анализа особенностей правового режима внутригрупповых сделок, она разделена на 3 параграфа, в первом из которых исследуются особенности оспаривания внутригрупповых сделок, необходимые в дальнейшем для выявления особенностей их правового статуса, во втором параграфе изучаются проблемы применения последствий недействительности в отношении внутригрупповых сделок, которые также влияют на их правовой статус, в третьем параграфе второй главы исследуются особенности субординации внутригрупповых сделок, что способствует определению правового статуса внутригрупповых сделок.

Глава 1. Правовая природа внутригрупповых сделок

§ 1. Понятие и квалифицирующие признаки предпринимательского объединения

Для определения субъектного состава предпринимательского объединения и его типа (вертикальные или горизонтальные¹), чаще всего, используются установленные законом критерии, определяющие отношения связанности, зависимости и контроля. Вместе с тем подобное регулирование не может полноценно отражать реалии имущественного оборота, поскольку условные критерии аффилированности не охватывают фактический контроль. Понятие фактического контроля является классическим для частноправового регулирования проявлением судебного усмотрения, поскольку критерии для определения указанных отношений устанавливаются судебной практикой, посредством анализа конкретных ситуаций, которые могут свидетельствовать о фактической аффилированности.

Важно отметить, что отношения связанности, зависимости и контроля можно ранжировать в зависимости от возможности одного лица определять волю другого. Так, отношения связанности между несколькими лицами говорят лишь о возможном общем интересе у нескольких лиц либо о возможности одного лица неформально влиять на волю другого. Именно поэтому законодательное регулирование предусматривает менее значимые правовые последствия при установлении исключительно отношений связанности между несколькими лицами, например, заинтересованные лица в рамках Закона о банкротстве признаются знающими о признаках неплатёжеспособности или недостатке имущества должника. В свою очередь, состояние зависимости уже

¹ Указанные понятия используются во многих современных работах, связанных с корпоративными отношениями, в частности, упоминаются в статье Сеньшина А.Е. «Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства)» // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. Горизонтальное предпринимательское объединение представляет собой совокупность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, ведущих совместную деятельность в целях получения прибыли, на равных основаниях, не имеющих признаков связанности, зависимости или контроля. Вертикальные предпринимательские объединения также обозначают совокупность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, ведущих совместную деятельность в целях получения прибыли, но основанную на отношениях связанности, зависимости или контроля.

говорит о наличии таких способов влияния, которые порождают обязательные последствия, но не всегда приводят к формированию одним лицом воли другого лица. Поскольку степень влияния выше, то и правовые последствия будут иными, например, запрет на налоговый вычет по сделке купли-продажи недвижимого имущества между взаимозависимыми лицами¹. Отношения контроля представляют собой возможность одного лица определять волю другого лица. В данном случае законодатель устанавливает ещё большую потенциальную ответственность, например, в случае банкротства дочерней компании по вине основной последнее несёт субсидиарную ответственность². При этом отношения с большей степенью влияния практически всегда будут включать в себя отношения с меньшей степенью влияния. Например, отношения контроля между основной и дочерней компаниями, выраженные в преобладающем участии в уставном капитале, включают в себя отношения взаимозависимости.

М.И. Кулагин отмечал, что предпринимательские объединения в современном законодательстве и в юридической доктрине большинства правовых систем называются по-разному, однако представляют собой «экономическое единство или организацию, состоящую из самостоятельных субъектов права»³. Несмотря на то что в доктрине признаётся единство сущности различных объединений лиц, обоснованным представляется разработка единого учения об отношениях связанности, зависимости и контроля двух и более лиц. Такая теоретическая классификация будет способствовать повышению правовой определённости как для самих участников соответствующих правоотношений, так и для судов. При этом важно учитывать, что в зависимости от отрасли права признание лиц членами одного объединения и определение характера связи между ними порождает

¹ См. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.07.2017 № 18-КГ17-92 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. абз. 3 п.2 ст. 67.3 «Гражданского Кодекса РФ (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

³ Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 22.

различные правовые последствия, которые могут различаться в зависимости от отрасли права и характера связи.

В зарубежных странах также не существует единого учения об объединениях лиц. В Англии и США чаще всего используется понятие корпоративной группы (corporate group). В английском праве в основном выделяют три основания связи между компаниями: посредством договора (connected by contract), посредством долевого участия в компании (share ownership), посредством участия одних и тех же людей в управлении несколькими компаниями (interlocking directorships)¹. Также отмечается разница между горизонтальными и вертикальными корпоративными группами. Горизонтальные объединения компаний определяются взаимным участием в капиталах друг друга двух и более компаний в разных пропорциях, а вертикальные объединения состоят из управляющего и зависимых обществ, при этом акции последних по большей части принадлежат управляющему обществу напрямую или через цепочку посредников. В американском праве указанные отношения определяют обычно по модели материнской и дочерней компаний, выделяют два признака: наличие контроля и собственности на акции, которые отображают только вертикальную модель корпоративных групп².

В европейских правовых порядках обычно фигурирует понятие группы компаний (groups of companies). При этом в странах Европы по-разному выделяют критерии для определения связей между компаниями. Чаще всего используются критерии формального контроля, основанные на владении одним лицом более 50% акций другого. Однако в Германии разработана доктрина фактического контроля (substantive control³), благодаря которой компания

¹ Dine J. The Governance of Corporate Groups. Cambridge, 2000. – Т. 1. – P. 39.

² Ho V.H. Theories of Corporate Groups // Seton Hall Law Review, 2012. Vol. 42. P. 887–888.

³ Нопт К.Д. Groups of Companies. A Comparative Study on the Economics, Law and Regulation of Corporate Groups // ECGI Working Paper Series in Law. 2015

может быть признана контролирующей вне зависимости от юридического оформления отношений между лицами.

В российском правовом порядке не существует единства относительно определения отношений связанности, зависимости и контроля между обособленными лицами для различных отраслей права. В юридической литературе и современной практике существует множество понятий, описывающих отношения зависимости, связанности или контроля между лицами: «аффилированные лица»¹, «группа лиц»², «предпринимательская группа»³, «холдинги»⁴, «взаимозависимые лица»⁵, «контролирующие должника лица»⁶, «контролируемые иностранные компании»⁷, «банковская группа» и «банковский холдинг»⁸, «страховая группа»⁹ и прочие. Критерии для определения объединения лиц также различны и несистемны.

Отдельно следует отметить значение установления связей между лицами посредством фактического контроля, используемого для определения контролирующих должника лиц в банкротстве и контролируемых иностранных компаний в налоговом праве. Рассматриваемый подход позволяет выявить связи между различными лицами при отсутствии формальных оснований их признания, что способствует осуществлению правосудия. Например, в ситуации, когда одно лицо, юридически не имея полномочий, даёт

¹ Ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (ред. от 26.07.2006) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

² Ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 19.04.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

³ Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.04.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Гурьянов А.В. Ограниченная ответственность и возникновение холдингов: исторический обзор // Предпринимательское право. 2022. №4. С. 76-80.

⁵ Ст. 20 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁶ Ст. 61.1 Федерального закона от 26.02.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁷ Ст. 25.13 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁸ Ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 12.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁹ Ст. 9 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1993. № 2. Ст. 56.

обязательные указания другому лицу, которые фактически выполняются подконтрольным субъектом. Формально критерии контроля отсутствуют, однако фактический контроль позволяет определить указанное лицо в процессе банкротства как контролирующее должника лицо, что при определённых условиях создаёт для кредиторов возможность в дальнейшем привлечь это лицо к субсидиарной ответственности либо субординировать его требования в реестре требований кредиторов.

В рамках рассмотрения дел о банкротстве Верховный Суд РФ с 2016 года использует критерий фактической аффилированности, который впервые был применён в деле о банкротстве ООО «Роговское ХПП»¹. Судебная коллегия по экономическим спорам указала, что факт общности экономических интересов может подтверждаться фактической аффилированностью лиц, в данном случае об этом свидетельствовали следующие обстоятельства: одни и те же лица в числе дебиторов обеих компаний; схожие основные виды деятельности; расходование средств одной компании на нужды другой; разгрузка продукции одной компании со складов другой; подача заявлений о банкротстве обеими компаниями в один день. Уже в 2017 году в абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №53 от 21.12.2017 года² было закреплено правило, согласно которому выявление фактического контроля, независимо от наличия формально-юридических признаков аффилированности, достаточно для признания лица контролирующим должника.

Отсутствие единообразия в применимых понятиях и критериях для определения связей между лицами **создают правовую неопределённость как для участников гражданского оборота, так и для суда.** Поэтому существует необходимость в определении признаков предпринимательского объединения

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

для устранения неточностей в толковании и применении указанных понятий в сфере института несостоятельности.

И.В. Горбашев определял корпоративную группу как несколько объединённых общим групповым интересом обособленных корпораций, находящихся под контролем одного или нескольких лиц¹. Рассмотрим конституирующие признаки приведённого определения.

Обособленность юридической личности участников. Представление о группе как о едином субъекте исключает возможность оценивать этот субъект как совокупность лиц. Понятие группы как единого субъекта приводило бы к тому, что группа являлась бы отдельным юридическим лицом, объединением капиталов с ограниченной ответственностью². Однако у группы нет общего обособленного имущества, и, по общему правилу, члены группы не отвечают за действия её участников. К тому же существующее регулирование внутригрупповых отношений противоречит такому подходу. В частности, ответственность контролирующего лица возможна только по той причине, что группа не является единым субъектом, а контролирующее лицо привлекается к ответственности в нарушение принципа ограниченной ответственности посредством «снятия корпоративного покрыва»³. Таким образом, в российском правопорядке члены предпринимательской группы расцениваются как самостоятельные субъекты.

Общий экономический интерес группы. Сформулировать всеобъемлющее определение, что из себя представляет общий интерес группы, не представляется возможным, поэтому существует два возможных подхода. С одной стороны, французский подход, который формулирует правило от обратного, устанавливая то, что общим интересом не является⁴. С другой

¹ Горбашев И.В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. ЕКБ., 2022. С. 60.

² Didier P. Droit commercial. PUF. 1999. Vol. 2. P. 534;

³ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрыва» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // «Вестник гражданского права», 2014, № 1.

⁴ Pariente M. The Evolution of the Concept of «Corporate group» in France. // European Company and Financial Law Review. 2007. P. 325.

стороны, применение «каучукового» понятия, в общих чертах описывающего интерес группы, которое предоставляет возможность суду в каждой конкретной ситуации определить соответствует ли интересам группы действие управляющего лица или нет.

Второй подход используется Верховным Судом РФ, в частности, для оценки действий контролирующего лица в процессе банкротства. Например, в деле А40-109791/2019¹ Судебная коллегия по экономическим спорам отмечает, что конечной целью группового интереса является прибыльность группы в целом, а не её отдельных частей. Однако важно понимать, что общий интерес группы включает в себя не только интерес управляющей компании либо её бенефициара, но и интересы миноритариев, а также кредиторов всей группы.

Автору настоящей работы представляется правильным определять интерес группы как обеспечение прибыльности группы и жизнеспособности её участников. При этом управляющее лицо должно соблюдать баланс между интересами группы, интересами миноритариев и кредиторов, в частности, убыточные для одно из членов группы действия должны отвечать политике группы, совершаться исключительно в интересах группы и не приводить к банкротству одного из участников объединения или иным серьёзным негативным экономическим последствиям.

Наличие контроля. Обычно под контролем принято понимать возможность лица определять деятельность иного лица, формировать его волю, влиять на принятие им решений². Определение контроля строится по двум моделям: через юридические механизмы влияния на формирование воли подконтрольного лица или иными фактическими методами управления. До недавнего времени в большинстве правопорядков применялись исключительно формальные критерии для определения отношений контроля между лицами, многие из которых строились по модели дочерней и материнской компаний.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.02.2022 № 305-ЭС20-11205 // СПС «КонсультантПлюс».

² Горбашев И.В. Указ соч. С. 55.

Однако формальные признаки достаточно легко обойти, и участники гражданского оборота, фактически осуществляя контроль, не попадали под его юридические признаки. Поэтому появился функциональный, прагматический стандарт, который преимущественно оценивает существующие отношения между лицами, вне зависимости от их юридического закрепления. В практике Верховного Суда РФ закрепилось понятие «фактического контроля»¹.

Я полагаю, что контроль как критерий для определения группы необходим, поскольку при отсутствии возможности одного лица определять волю другого неправильно говорить об их разнице в статусе в отношении любого другого контрагента должника. Именно контроль отличает вертикальные предпринимательские объединения от обычных участников гражданско-правовых отношений, связанных взаимными обязательствами.

В свою очередь, А.Е. Сеньшин выделяет пять признаков предпринимательской группы для целей банкротства и определяет её как: «совокупность обладающих признаками банкротства контролирующего лица (физическое или юридическое лицо) и подконтрольных ему, функционально связанных юридических лиц, которые осуществляют предпринимательскую деятельность в рамках единой экономической политики»².

Предпринимательская группа как совокупность лиц, не обладающая правосубъектностью. Определение группы в качестве простой совокупности обособленных в правовом отношении юридических лиц, препятствует наделению ее свойством правосубъектности. Указанный подход к определению статуса участников предпринимательской группы полностью совпадает с позицией И.В. Горбашева и автора настоящей работы.

Предпринимательская группа состоит из юридических и физических лиц, обладающих признаками банкротства. В отличие от подхода,

¹ См. Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

² Сеньшин А.Е. Несостоятельность (банкротство) предпринимательской группы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 36-74.

применяемого Горбашевым И.В., в данном случае учитываются и такие участники группы как унитарные юридические лица и индивидуальные предприниматели, поскольку они не являются корпорацией, но при этом осуществляют предпринимательскую деятельность. В современных российских реалиях участие индивидуальных предпринимателей в рамках деятельности предпринимательского объединения распространённое явление, поэтому расширение круга субъектов такого объединения представляется обоснованным.

Однако автору настоящей работы представляется спорным утверждение о необходимости наличия у членов предпринимательской группы признаков несостоятельности. Правовые последствия, предусмотренные, в частности, Законом о банкротстве, применяются в отношении лиц, которые не отвечают признакам неплатёжеспособности или недостаточности имущества, но при этом являются участниками отношений несостоятельности. Например, контролирующие должника лица, которые могут нести субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов, или конкурсные кредиторы, очередность удовлетворения требований которых понижена на основании того, что они входят в одно с должником предпринимательское объединение, и, как следствие, являются аффилированными и имеют общий экономический интерес.

Отношения контроля-зависимости в предпринимательской группе. Является основным для определения предпринимательской группы, поскольку определяет тесную имущественную взаимосвязь участников группы, которая и является основанием для определения объединения лиц как вертикального. Подход к определению и значению отношений контроля-зависимости в рассматриваемых работах И.В. Горбашева и А.Е. Сеньшина также совпадает, отличается исключительно понятийный аппарат.

Функциональное единство участников предпринимательской группы. Указанный критерий обозначает единые управленческие,

производственные и (или) технологические процессы, объединяющие нескольких лиц. Как отмечает С.А. Карелина, «деятельность участников предпринимательской группы должна быть направлена на производство, хранение и транспортировку одного вида продукции»¹. Рассматриваемый критерий представляется необходимым для определения субъектного состава предпринимательского объединения, поскольку недостаточно исключительно учреждения или управления одним лицом несколькими разными компаниями для отнесения их к одной группе, иное привело бы к необоснованному включению в предпринимательское объединение лиц, которые не связаны с деятельностью основного должника.

Единая экономическая политика. Представляет собой деятельность членов предпринимательской группы, под руководством контролирующего лица в соответствии с общим интересом. Указанный критерий идентичен понятию общего группового интереса, который в своей работе упоминает И.В. Горбашев.

Основываясь на анализе вышеуказанных квалифицирующих признаков, автор настоящей работы предлагает определить **предпринимательское объединение как совокупность физических и юридических лиц, объединённых общим экономическим интересом, едиными управленческими и (или) производственными процессами, находящимися под контролем одного или нескольких лиц.**

¹ Карелина С.А. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) предпринимательской группы // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии: сборник статей / отв. ред. Е.П. Губин, Е.Б. Лаутс. М.: Юрист, 2010. С.37.

§ 2. Понятие и квалифицирующие признаки внутригрупповых сделок

Наличие общего экономического интереса, единого управленческого и производственного процессов приводят к перераспределению имущества внутри самой группы, к тому же структура группы позволяет эффективнее привлекать внешнее финансирование за счёт возможности предоставления поручительств и гарантий от других членов группы. В рамках этого распределения между членами предпринимательского объединения заключаются сделки, появляются взаимные права и обязанности, которые имеют свои особенности регулирования.

Такое отношение к внутригрупповым сделкам можно объяснить как борьбу с злоупотреблениями. В процессе банкротства недобросовестные участники гражданского оборота, входящие с должником в одно предпринимательское объединение, посредством создания фиктивной задолженности могут уменьшать конкурсную массу, чем будут причинять вред другим внешним кредиторам.

Сложность представляет именно разграничение внутригрупповых требований, которые соответствуют рыночным требованиям и не predeterminedены корпоративной структурой¹, от требований, за которыми не стоит никакого законного интереса, представляющие собой номинальную задолженность или обязательство, обусловленное внутригрупповым перераспределением средств, не имеющим хозяйственного обоснования для тех членов группы в отношении которых подано заявление о признании их банкротом.

Для внутригрупповых требований в Законе о банкротстве не предусмотрено особое регулирование, однако судебная практика обращает внимание на особенности регулирования рассматриваемых отношений. В частности, они проявляются в процессе оспаривания и субординации

¹ Squire R. Strategic Liability in the Corporate Groups // The University of Chicago Law Review. 2011. Vol. 78. P. 649.

требований членов одной предпринимательской группы. В целях правильного применения положений о внутригрупповых сделках необходимо определить содержание этого понятия и субъектный состав рассматриваемых отношений. Поскольку для определения субъектного состава предпринимательского объединения в первом параграфе первой главы настоящей работы определены квалифицирующие признаки предпринимательского объединения, задачей настоящего параграфа является выявление квалифицирующих признаков внутригрупповых сделок.

В рамках отношений несостоятельности **понятие сделки** толкуется расширительно, в п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве¹ указано, что оспариваться в качестве сделок могут обязательства и обязанности из гражданских, трудовых, семейных, налоговых, таможенных, процессуальных и иных правоотношений, а также действия по исполнению обязательств². В гражданско-правовых отношениях, в соответствии со ст. 153 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ³), сделкой являются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В свою очередь, исполнение обязательства не всегда рассматривается как сделка, существует три возможных подхода к его правовой природе⁴. **Консенсуальная теория** исполнения обязательства, подразумевающая помимо фактического предоставления необходимость соглашения между должником и кредитором, некий договор об исполнении. **Теория реального исполнения обязательства**, которая в настоящее время является господствующей в немецкой доктрине и практике⁵, в соответствии с рассматриваемой концепцией для наступления исполнения достаточно

¹ Федеральный закон от 26.02.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

³ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

⁴ Шухорт Р.А. Правовая природа исполнения договорного обязательства в немецкой цивилистической доктрине XIX-XX вв. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 4. С. 541-564.

⁵ Beckhaus, G. K. (2013) Die Rechtsnatur der Erfüllung. Tübingen, Mohr Siebeck // 2013. XX, 421 Seiten.

совершения фактических действий по исполнению обязательства, независимо от воли должника на это исполнения. **Теория односторонней субъективной природы исполнения обязательства**, согласно которой достаточно одностороннего распоряжения должника о цели или назначении действий по исполнению.

По своей природе в российском гражданском праве исполнение обязательства, как правило, не является сделкой, а фактическим действием, поступком. Это суждение подтверждается существующим регулированием гражданско-правовых правоотношений, так для исполнения обязательства, по общему правилу, не учитывается направление воли должника на совершение исполнения, важно только волеизъявление, фактическое событие. Например, случайное исполнение или исполнение 3 лицом за должника является действительным, независимо от желания самого должника исполнить своё обязательство. Однако в банкротстве для защиты интересов кредиторов исполнение обязательства рассматривается как сделка.

А.Е. Сеньшин выделяет два вида внутригрупповых требований: **прямые требования**, то есть связанные с непосредственным выполнением работ или оказанием услуг одним членом группы в пользу другого, и **суброгационные требования** – требования, вытекающие из внутригрупповых гарантий и поручительств¹. Такая классификация обусловлена различием последствий, которые характерны для каждого вида требований в процессе несостоятельности членов предпринимательской группы. Однако, независимо от вида внутригрупповых требований, квалифицирующие признаки для определения основания их возникновения будут едиными.

Возникновение внутригрупповых требований является правовым последствием заключения внутригрупповых сделок. Однако, не любая сделка порождает право требования, а только заключённая и действительная, как минимум, для самих сторон правоотношения. К тому же момент заключения

¹ Сеньшин А.Е. Указ соч. С. 204.

сделки и возникновения требований не всегда совпадает, потому что внутригрупповое требование возникнет только после наступления срока или обстоятельства, с которым сделка связывает возникновение обязанности.

Необходимо определиться с признаками внутригрупповых сделок для их дальнейшей квалификации и применении особых правовых последствий. Например, в европейском наднациональном регулировании внутригрупповые сделки определяют по совокупности двух критериев: субъектного состава и цели операции. Первый признак заключается в участии контрагентов по сделке в одном предпринимательском объединении, а второй – в нацеленности этой операции на общий экономический интерес этого объединения¹. Однако, такой подход не охватывает все возможные случаи реализации внутригруппового интереса в гражданско-правовых отношениях, в частности, предоставление поручительства одним членом группы в пользу другого перед независимым кредитором.

Автор настоящей работы считает, что к **квалифицирующим признакам внутригрупповых сделок можно отнести**: участие стороны правоотношения в предпринимательском объединении; возникновение экономических или правовых последствий у участника предпринимательского объединения вследствие действий другого участника предпринимательского объединения; существование интереса в заключении сделки в связи с участием лица в предпринимательском объединении.

Участие стороны правоотношения в предпринимательском объединении. Достаточно очевидным представляется суждение о том, что внутригрупповая сделка – это сделка, совершённая между участниками одного предпринимательского объединения. В качестве примера такой внутригрупповой сделки, участники которой являются членами одного предпринимательского объединения, можно привести передачу имущества от

¹ Article 3 intragroup transactions. Regulation (EU) № 648/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on OTC derivatives, central counterparties and trade repositories // <https://www.esma.europa.eu/publications-and-data/interactive-single-rulebook/emir/article-3-intragroup-transactions>.

дочернего общества к основному. В частности, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее ВАС РФ) от 04.12.2012 №8989/12¹ рассматривался спор между регистрирующим органом и ОАО «Концерн ПВО «Алмаз Антей». Акционерное общество являлось основной компанией по отношению к дочернему обществу «ВМП «Авитек» и безвозмездно получило от последнего 13 объектов недвижимого имущества. Регистрирующий орган отказал в их регистрации, поскольку полагал, что заявитель не имел прав на указанные объекты имущества, поскольку дарение между юридическими лицами запрещено. Однако ВАС РФ постановил, что в данном случае у дочернего общества отсутствует намерение одарить основное, а передача имущества внутри предпринимательского объединения является правомерным действием, поскольку экономическая целесообразность таких действий обусловлена единым экономическим интересом компаний.

Однако отдельный интерес представляют суброгационные внутригрупповые требования, основанием которых являются договоры поручительства, гарантии, залога, предоставляемые одним членом группы за другого. При этом, например, участниками договора поручительства являются с одной стороны банк, который не является членом предпринимательского объединения, а с другой стороны член предпринимательского объединения. Поэтому к внутригрупповыми сделкам также относятся и сделки, в которых только одна сторона является членом предпринимательского объединения. Идентичная правовая позиция изложена в п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 от 2017 года², согласно которому презюмируется, что сопоручители являются солидарными должниками, если должники по обеспечительным обязательствам входят в группу лиц с основным должником, объединены с ним общими экономическими интересами и контролируются одним конечным бенефициаром.

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12 // СПС «КонсультантПлюс».

² «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

Обязательным условием для признания сделок внутригрупповыми является **возникновение экономических или правовых последствий у участника предпринимательского объединения вследствие действий другого участника предпринимательского объединения**. В ином случае участие члена группы в сделке не имеет никакого правового значения. Например, Верховный Суд в Определении № 305-ЭС18-18386(3) от 21.10.2021 года¹ указывает, что при кредитовании одного из участников группы лиц выгоду получают все её участники, в том числе поручители заёмщика, поскольку совокупная имущественная база всей группы прирастает. В приведённом примере заключение договора поручительства одним из членов группы создаёт экономические последствия для другого участника группы в виде увеличения его имущественной массы.

Одним из важнейших критериев для определения сделки как внутригрупповой является **связь между интересом лица в заключении сделки и его участием в предпринимательском объединении**. В ином случае, обычная хозяйственная деятельность субъекта предпринимательского объединения в своих интересах может подпадать под два вышеуказанных критерия. Например, два участника одной группы дают поручительство за третье лицо, не являющееся её членом, при этом не преследуется интерес группы или конкретного участника этого предпринимательского объединения. Целью совершения указанных действий может быть любое встречное предоставление со стороны этого третьего лица, например, скидка на поставку товара, льготные условия договора, денежное предоставление и прочее. Однако без учёта третьего критерия такая сделка будет относиться к внутригрупповым, поскольку одной из сторон правоотношения является член предпринимательского объединения и у другого члена этого объединения изменяются права и обязанности – они становятся сопоручителями. Именно поэтому Верховный Суд РФ в упомянутом п. 16 Обзора судебной практики № 3

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2021 № 305-ЭС18-18386(3) по делу № А40-239363/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

от 2017 года¹ обращает внимание на принадлежность основного должника и поручителей к одной группе лиц, а не самих поручителей между собой.

Автор настоящей работы полагает, что рассмотренные выше квалифицирующие признаки внутригрупповых сделок позволяют определить рассматриваемое понятие как **юридические действия участника предпринимательского объединения, основанные на интересе, обусловленном участием лица в таком объединении, влекущие правовые или экономические последствия для другого участника предпринимательского объединения.**

¹ «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

Глава 2. Оспаривание и субординация внутригрупповых требований в банкротстве

§ 1. Особенности оспаривания внутригрупповых сделок

Действующее законодательство о несостоятельности предоставляет кредиторам различные способы защиты своих интересов, к которым относятся оспаривание сделок, субординация требований кредиторов, обжалование решений собраний кредиторов, действий арбитражных управляющих и привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Институт оспаривания сделок является одним из наиболее эффективных способов защиты интересов кредиторов. По данным статистики Единого федерального реестра сведений о банкротстве¹ (далее – ЕФРСБ), за 2022 год судами было рассмотрено 16 747 заявлений о признании сделок недействительными, из которых было удовлетворено 7 886, в процентном соотношении доля удовлетворённых заявлений от рассмотренных составляет 47%.

При этом оспаривание сделок в банкротстве всегда создаёт противоречия между интересами кредиторов должника и участников оспариваемых сделок. Ещё Г.Ф. Шершеневич отмечал, что заслуживающие поддержки интересы кредиторов, которые требуют признания некоторых сделок должника недействительными, противостоят не менее существенным интересам третьих лиц – контрагентов, с которыми данные сделки были заключены². Правовая природа института (несостоятельности) банкротства включает в себя как частноправовые, так и публично-правовые аспекты³, поэтому возможности оспаривания сделок должны быть ограничены разумными пределами в интересах гражданского оборота для обеспечения баланса между частными и публичными интересами.

¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2022 // URL: <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c> (дата обращения 20.02.2024).

² Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. // Университетская типография, Казань, 1890. С. 235.

³ Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019. С. 385.

Институт несостоятельности имеет экстраординарный характер и не свойственен для обычной хозяйственной деятельности, поэтому многие устоявшиеся положения частного права в процессе их применения в банкротстве видоизменяются. В частности, Закон о банкротстве в главе III.1 устанавливает, что сделки должника могут быть признаны недействительными как по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, в том числе ГК РФ или законодательством о юридических лицах, так и по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве.

К специальным основаниям оспаривания сделок в банкротстве относятся: подозрительные сделки; сделки с предпочтением; сделки, совершённые в процедуре банкротства с нарушением банкротного законодательства. В рамках настоящего исследования для целей анализа особенностей оспаривания внутригрупповых особенностей необходимо подробно рассмотреть подозрительные сделки и сделки с предпочтением.

Подозрительные сделки регулируются п.п. 1 и 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, они делятся на два вида: неравноценные и нацеленные на причинение вреда кредиторам.

Для признания сделки подозрительной с неравноценным предоставлением необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, совершение должником сделки в течении одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления. Во-вторых, существенное превышение рыночной стоимости исполнения обязательства должником встречного исполнения обязательств контрагентом, определяемого с учётом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств¹.

В свою очередь, для признания сделки подозрительной, нацеленной на причинения вреда имущественным правам кредиторов, необходимо наличие четырёх условий. Во-первых, совершение должником сделки в течении трёх лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия

¹ Лотфуллин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве // М.: Статут. 2019. С. 33-35

указанного заявления. Во-вторых, сделка должна быть совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов. В-третьих, в результате совершения сделки должен быть причинён вред имущественным правам кредиторов. В-четвёртых, другая стороны сделки знает или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки. История рассматриваемого основания оспаривания начинается с римского права, а именно с *actio Pauliana*. Это был иск к должнику, умышленные действия которого привели к уменьшению имущества, служившего источником покрытия требований кредиторов, нацеленный на возвращение этого имущества в состав имущества должника¹.

Сделки с предпочтением в соответствии со ст. 61.3 Закона о банкротстве квалифицируются по совокупности двух критериев. Во-первых, она совершена в пределах одного месяца до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия такого заявления. Во-вторых, сделка влечёт или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований. Однако если сделка привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки, либо сделка направлена на обеспечение исполнения обязательства должника или третьего лица перед отдельным кредитором, которое возникло до совершения оспариваемой сделки, либо контрагент знал или должен был знать о признаках неплатёжеспособности должника, то срок оспаривания сделки увеличивается до шести месяцев.

Проблемой внутригрупповых требований является противоречие между законными целями таких сделок и возможностью для злоупотребления со стороны связанных с должником лиц, что приводит к отсутствию эффективного законодательного регулирования². Перераспределение капитала

¹ Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. / под редакцией члена-корреспондента РАН В.С. Нерсесянца – М.: ИНФРА, 1996. С. 219.

² Сеньшин А.Е. Указ соч. С. 203.

внутри предпринимательского объединения зачастую влечёт ущерб для интересов кредиторов одной из компаний, входящей в это объединение. Поэтому при оспаривании внутригрупповых существует ряд особенностей, которые нашли отражение и в отечественной судебной практике.

Одним из примеров особенностей оспаривания внутригрупповых сделок является **Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652(1)**¹. Должник, являющийся членом предпринимательского объединения, заключил договор поручительства с кредитором для обеспечения займа, который выдавался другому члену предпринимательской группы. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций признали доказанными наличие и размер задолженности. Однако, направляя дело на новое рассмотрение, Верховный Суд указал, что наличие корпоративных или иных связей между поручителем и должником объясняет мотивы совершения обеспечительных сделок², но это не исключает возможность оспаривания действительности поручительства как злоупотребления правом. На злоупотребление правом могут указывать: участие кредитора в операциях по неправомерному выводу активов; получение кредитором безосновательного контроля за процессом несостоятельности; реализация договорённостей между заимодавцем и поручителем, направленных на причинение вреда иным кредиторам³. Для определения бремени доказывания недобросовестности кредитора необходимо установить являются ли кредитор членом одного с должником предпринимательского объединения. Если кредитор независимый, то бремя доказывания лежит на лице, ссылающемся на данный факт. Если заём является внутригрупповым, то кредитор, должник и поручитель должны раскрыть разумные экономические

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652(1) по делу № А43-10686/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Указанная правовая позиция также содержится в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.02.2014 № 14510/13 по делу № А67-6922/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.03.2018 № 307-ЭС17-18665 по делу № А56-81591/2009 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Указанная правовая позиция также содержится в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2015 № 308-ЭС15-1607 по делу № А63-4164/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

мотивы обеспечительной сделки, иначе они будут квалифицироваться как злоупотребление правом¹.

В рассматриваемом деле Верховным Судом РФ сформулированы 3 особых правила в отношении внутригрупповых сделок.

1. Для оценки экономической обоснованности внутригрупповых сделок необходимо учитывать возможность получения выгоды для должника косвенным путём – через реализацию группового интереса.

2. Участие поручителя и должника в одном предпринимательском объединении само по себе указывает на экономическую целесообразность заключённых сделок и переносит бремя доказывания недобросовестности действий должника на лицо, утверждающее о порочности таких требований.

3. В случае, если должник, кредитор и поручитель являются участниками одного предпринимательского объединения, то они должны доказать разумные экономические мотивы обеспечительной сделки.

Вышеуказанные правила совершенно обоснованно применяются при оспаривании внутригрупповых сделок. Методом регулирования этих отношений является распределение бремени доказывания и установление презумпций, это обусловлено тем, что наличие отношений контроля создаёт информационную асимметрию между участниками спора, в связи с чем доказать порочность сделок бывает крайне затруднительно². Когда кредитор является независимым, предоставляемые им денежные средства выбывают из-под его контроля, поэтому заключение обеспечительных сделок нужно для создания дополнительных гарантий исполнения долговых обязательств. В такой ситуации не создаётся объективных сомнений в действительности обеспечиваемого договора, поэтому бремя доказывания остаётся на стороне,

¹ Указанная правовая позиция также содержится в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2018 № 305-ЭС18-15086(3) по делу № А40-111492/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Определении Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. Гурьянов А.В. Преодоление запрета на существование хозяйственных обществ, единственным участником которых является другое общество «одного лица» // Право и экономика. 2022. № 5. С. 36-41.

оспаривающей сделку, и действует презумпция действительности сделки. В случае, если кредитор, должник и поручитель являются участниками одного предпринимательского объединения, то необходимость в использовании обеспечения отпадает, поскольку денежные средства остаются под контролем той же группы лиц. Указанные действия создают сомнения относительно их экономической целесообразности, поэтому бремя доказывания разумных оснований для заключения обеспечительной сделки переходит на лиц, состоящих в предпринимательском объединении, и действует презумпция порочности сделки.

Значимым для оспаривания внутригрупповых сделок также является дело о банкротстве ООО «Авиакомпания «Томск Авиа». В **определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 июня 2018 г. N 304-ЭС17-21427¹** рассматривалось требование о признании договоров поручительства недействительными. ООО «Авиакомпания «Томск Авиа» (далее – должник) и ООО «ПромАвиаСервис» являлись членами одного предпринимательского объединения. Между должником, выступающим поручителем, ООО «Промрегионбанк» (далее – кредитор) и ООО «ПромАвиаСервис» (далее – заёмщиком) после возбуждения дела о банкротстве в отношении должника был заключён договор поручительства. К тому же ООО «Авиакомпания «Томск Авиа» являлась поручителем ещё по нескольким внутригрупповым обязательствам. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в признании договоров поручительства недействительными, поскольку заключение обеспечительных сделок между членами одного предпринимательского объединения является оправданным и экономически целесообразным, а цель причинения вреда кредиторам оспариваемыми сделками не была доказана. Верховный Суд направил дело на новое рассмотрение и указал, что договор поручительства, заключённый после принятия заявления о признании должника банкротом, в соответствии со ст.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2018 № 304-ЭС17-21427 по делу № А67-4289/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

61.3 Закона о банкротстве, является недействительным, поскольку он направлен на обеспечение обязательства, возникшего до совершения оспариваемой сделки. В отношении иных договоров поручительства возможно оспаривание по правилам п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, либо на основании ст. 10 и 168 ГК РФ¹. О наличии в действиях поручителя и его кредитора цели причинить вред имущественным правам иных кредиторов может свидетельствовать то обстоятельство, что кредитор не рассчитывал и не мог рассчитывать на повышение вероятности возврата предоставленных заёмщику денежных средств посредством обеспечения, так как поручитель находился в процессе банкротства. В свою очередь, будучи профессиональным участником рынка, ООО «Промрегионбанк» должен был знать о возбуждении в отношении ООО «Авиакомпания «Томск Авиа» дела о банкротстве.

Основываясь на приведённых выше выводах Верховного Суда РФ, можно определить два положения в отношении оспаривания внутригрупповых сделок.

1. Во внутригрупповых сделках предмет доказывания для отдельных составов недействительности не меняется. В частности, для признания сделки с предпочтением недействительной не нужно доказывать недобросовестность контрагента должника.

2. Установление факта экономической целесообразности внутригрупповой сделки не конвалидирует² её, а опровергает презумпцию цели причинения вреда имущественным правам кредиторов и переносит бремя доказывания на лицо, оспаривающее сделку.

Рассматриваемые выводы Судебной коллегии по экономическим спорам являются обоснованными и подлежат применению, поскольку возможность

¹ Указанная правовая позиция также содержится в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 305-ЭС20-11205(3) по делу № А40-83941/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Понятие конвалидации достаточно распространено в рамках цивилистических исследований и означает «исцеление сделки от пороков недействительности», в частности употребляется в работах Ширвиндта А.М. Значение фикции в римском праве. // М.: Статут, 2013, С. 255; Громов А.А. Согласие третьего лица на совершение сделки // Опыт цивилистического исследования: Сб. ст. / Отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 3: специальный выпуск к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. М., 2019. С. 59 - 85.

конвалидации при выявлении обоснования и экономической целесообразности внутригрупповой сделки лишало бы внешних кредиторов способов защиты в случае выявления нарушений, выходящих за рамки мотивов и намерений её совершения. Конечно, в абсолютном большинстве ситуаций основным вопросом для доказывания порочности сделки является вопрос мотивов и намерений совершения сделки, например, причинения вреда кредиторам, злоупотребление правом и прочее. В указанных случаях доказывание состава недействительной сделки само по себе опровергает презумпцию экономической целесообразности сделки. Однако это не даёт основания для расширения предмета доказывания в рамках, например, сделок с предпочтением, поскольку в данном случае для состава недействительности имеют значения именно фактически наступившие последствия и срок совершения сделки, а не правомерность действий сторон, основывающаяся на их мотивах и намерениях.

Примечательным является дело о банкротстве ООО «Хортица». Рассмотрим **Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 305-ЭС20-11205(3)**¹ в отношении обособленного об оспаривании договоров ипотеки, залогов и поручительства должника. ООО «Хортица» (далее – должник) заключил семь договоров залога и два договора поручительства с ПАО Банк «Югра» (далее – банк), входящим в одно предпринимательское объединение с должником, в отношении других компаний, также являющихся членами одной с должником и банком группы. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций признали сделки недействительными, удовлетворив требования заявителя. Верховный Суд РФ не согласился с выводами судов, поскольку целью заключения сделок было выполнение требований Центрального Банка РФ (далее – ЦБ РФ) в отношении кредитной организации, что является правомерным экономическим мотивом совершения сделок. Однако это не исцеляет сделку от пороков недействительности с точки зрения причинения

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 305-ЭС20-11205(3) по делу № А40-83941/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

вреда кредиторам конкретного должника. При оценке мотива сделок как причиняющих вред кредиторам Верховный Суд РФ акцентирует внимание на необходимость анализа причин банкротства должника с учётом установленной структуры группы, потому что в случае, если указанные сделки стали причиной банкротства, их можно оспорить по соответствующему основанию.

В приведённом выше Определении Верховного Суда РФ содержится важное правило для оценки судом недействительности внутригрупповых сделок. Для правильного применения правил об оспаривании внутригрупповых сделок необходимо оценить, являются ли они причиной банкротства должника. Наличие причинно-следственной связи между заключением внутригрупповых сделок и банкротством должника исключает обоснованность экономического мотива совершения сделки.

Рассматриваемая позиция Верховного Суда РФ представляется обоснованной. Оценка причин банкротства в данном случае служит оценочным критерием для определения разумных мотивов совершения внутригрупповой сделки. Пренебрежение должником своим интересом в интересах группы в случае, если это приводит к банкротству самого субъекта, выходит за пределы обычного делового (предпринимательского) риска¹ и не является обычной практикой в рамках внутригрупповых отношений. В отличие от перераспределения имущества внутри самой группы, такую практику нельзя назвать разумной, а как следствие, экономически обоснованной. Похожий критерий присутствует во французской практике оценки внутригрупповых сделок. В соответствии с доктриной Розенблюма² одним из критериев оценки разумности действий директора по расходованию имущества дочернего общества является то, что сделка не должна привести к банкротству дочерней компании. Однако, в отличие от французского подхода, в России нет указания

¹ Приведённый стандарт оценки разумности действий директора определён в абз. 2 п. 1 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс».

² Report on the Recognition of the Interest of the Group. 2016. October // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2888863.

на подконтрольный статус банкротящейся организации, поэтому даже действия контролирующей компании, нацеленные на удовлетворение внутригруппового интереса, ведущие к её банкротству будут расцениваться как экономически необоснованные. Одной из проблем рассматриваемого решения является отсутствие разделения последствий недействительности в зависимости от наличия или отсутствия встречного предоставления в договоре. Действительно, указанное регулирование справедливо в отношении суброгационных внутригрупповых требований, при этом в отношении прямых внутригрупповых требований необходимо иное регулирование, подробнее этот вопрос рассматривается во 2 параграфе 2 главы настоящей работы.

По итогу анализа и обобщения судебной практики в отношении оспаривания внутригрупповых сделок, автор настоящей работы выделяет следующие особенности их правового регулирования.

1. Экономическая обоснованность внутригрупповых сделок оценивается с учётом возможности получения выгоды для должника косвенным путём, а именно посредством реализации группового интереса.

2. Признание сделки экономически целесообразной не конвалидирует её, поэтому наличие признаков любого состава для оспаривания сделки даёт основание суду признать соответствующую сделку недействительной.

3. Принадлежность поручителя и должника к одному предпринимательскому объединению при условии независимости кредитора устанавливает презумпцию экономической целесообразности заключённых сделок и переносит бремя доказывания недобросовестности действий должника на лицо, утверждающее о порочности таких требований.

4. Если должник, кредитор и поручитель состоят в одном предпринимательском объединении, то на них возлагается бремя доказывания разумных экономических мотивов обеспечительной сделки, а также устанавливается презумпция нацеленности сделки на причинение вреда имущественным правам кредиторам.

5. Внутригрупповые сделки, приводящие к банкротству должника, не могут являться экономически обоснованными.

§ 2. Правовые последствия оспаривания внутригрупповых сделок

Признание сделок должника недействительными необходимо для пополнения конкурсной массы самого должника, возврата выбывшего имущества. Вместе с тем, само по себе признание сделок недействительными не достигает этой цели. Именно применение последствий признания сделок недействительными приводит к справедливому распределению активов должника и пополнению конкурсной массы, поэтому необходимо правильное применение положений о последствиях недействительности.

Общее учение о последствиях недействительности сделок регулируется гражданским законодательством. В частности, в ст. 167 ГК РФ установлено общее правило, согласно которому каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, так называемая двухсторонняя реституция, особенностью которой является наличие синаллагматической связи¹. Однако, это не единственное последствие недействительности сделок, поскольку, во-первых, бывает односторонняя реституция, например, по договору дарения, и, во-вторых, законом могут быть предусмотрены иные последствия недействительности.

Закон о банкротстве предусматривает особые последствия недействительности. Например, в соответствии со ст. 61.6 Закона о банкротстве всё, что передано должником или иным лицом за его счёт, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной, подлежит возврату в конкурсную массу. Требование контрагента по сделке, признанной недействительной, подлежит включению в реестр требований кредиторов и подлежит удовлетворению в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, чаще всего, как требования кредиторов третьей очереди. Однако в процессе банкротства отсутствует синаллагматическая связь между этими обязательствами, поскольку право требования к должнику возникает только

¹ Синаллагматическая связь представляет собой встречность обязательств, предусмотренную ст. 328 ГК РФ См. Новицкая А.А. Учение о синаллагматическом договоре в римском праве. Контракт Лабена. // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 20-59.

после возврата кредитором всего полученного по недействительной сделке в конкурсную массу должника.

Основные сложности в применении последствий недействительности при банкротстве связаны именно с неравноценностью полученного сторонами возмещения. В имущественную массу должника возвращается всё переданное по сделке, а его новый кредитор получает только реституционное право требования, которое будет удовлетворено по результатам конкурсного производства. В свою очередь, в российской практике статистика удовлетворения требований кредиторов в банкротстве является неудовлетворительной. За 3 квартал 2023 года размер требований по завершённым делам о банкротстве составил 657 653 977 255 рублей, а сумма удовлетворённых требований 48 672 140 916 рублей, что составляет 7,4% от общего размера требований¹. Поэтому применение последствий недействительности, предусмотренных ст. 61.6 Закона о банкротстве, не всегда является оптимальным решением, особенно в отношении внутригрупповых требований.

Закон о банкротстве по отдельным составам недействительности предусматривает особые последствия, которые санкционируют неправомерное поведение участников гражданского оборота. К ним относятся признание сделки недействительной по мотивам причинения вреда кредиторам либо оказания предпочтения одному из кредиторов при наличии условий, предусмотренных абзацами вторым и третьим п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Если сделка оспорена по этим основаниям, то реституционное требование контрагента по сделке, признанной недействительной, подлежит удовлетворению из имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди. Поэтому вероятность удовлетворения таких требований становится минимальна, а кредиторы по ним не получают права голоса на собрании кредиторов. Высший Арбитражный Суд РФ (далее –

¹ Результаты процедур в делах о банкротстве за 3 кв. 2023. // URL: <https://fedresurs.ru/news/fc4b35b2-fb4e-4ac3-bc8b-e9c04e966b08> (дата обращения 28.03.2024).

ВАС РФ) скорректировал позицию законодателя в Постановлении Пленума ВАС РФ №63¹. В абз. 6 п. 27 вышеупомянутого Постановления Пленума указано, что субординация требований кредитора, основанных на оспариваемой сделке, является ответственностью особой природы, поэтому такие последствия не должны применяться при отсутствии неправомерного поведения или вины кредитора в совершении недействительной сделки.

При применении последствий недействительности сделок важным является момент, с которого сделка признаётся недействительной. В соответствии с п. 1 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка недействительна с момента её совершения, то есть признание сделки недействительной по общему правилу носит ретроспективный характер. Однако для института несостоятельности значение имеет момент возникновения требования, а не признания сделки недействительной, поскольку именно он определяет статус кредитора. Если требование возникло до принятия заявления о признании должника банкротом, то кредитор считается конкурсным, а если после принятия заявления, то требование относится к текущим платежам.

Рассмотренные различия между последствиями недействительности, предусмотренными Законом о банкротстве и гражданским законодательством, позволяют прийти к выводу, что возврат имущества в конкурсную массу является отдельным институтом, отличным от реституции.

Для применения последствий недействительности в отношении внутригрупповых требований законом о банкротстве не предусмотрены особые правила. Учитывая особенности правоотношений, связанных с предпринимательским объединением, применение последствий недействительности, предусмотренных ст. 61.6 Закона о банкротстве не всегда достигает целей увеличения конкурсной массы должника и справедливого распределения имущества между кредиторами.

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» // СПС «КонсультантПлюс».

В качестве примера можно смоделировать ситуацию, в которой два члена предпринимательского объединения находятся в процессе банкротства, а сделка, заключённая между ними до начала банкротства, оспаривается по основанию п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве как подозрительная с неравноценным предоставлением. Применение общих последствий недействительности, предусмотренных ст. 61.6 Закона о банкротстве, приводит к неудовлетворительным последствиям. В соответствии с п. 34 Постановления Пленума ВАС № 35¹ с даты принятия судом решения о признании должника банкротом все требования кредиторов об уплате обязательных платежей, по денежным обязательствам, иные имущественные требования могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства. Поскольку сделка заключена до начала процесса банкротства, а недействительной она признаётся с момента заключения, то требования кредиторов являются конкурсными. Однако проблема заключается в том, что требования для включения в конкурсную массу должника по недействительной сделке возникает только в момент, когда кредитор вернёт всё полученное по недействительной сделки в конкурсную массу. Так как обе компании находятся в процессе банкротства, то возврат имущества вне очерёдности, предусмотренной законодательством о банкротстве, не представляется возможным. В таком случае последствия неравноценного имущественного предоставления остаются, а оспаривание сделки не решает проблему несправедливого распределения активов должника.

Рассматриваемая проблема возникает только в случае, если по результатам сделки имущественная масса одного из должников несправедливо уменьшилась. Автору настоящей работы представляется, что эту проблему можно урегулировать несколькими способами: предусмотреть специальные последствия недействительности, провести материальную консолидацию, вернуть актив в ту конкурсную массу, в которой он справедливо и должен был находиться. Рассмотрим каждый из них.

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

Разработка специальных последствий недействительности может быть справедливым решением. Возможно установить общее правило для рассматриваемых ситуаций. Например, в случае, если имущественная масса должника несправедливо уменьшилась вследствие исполнения недействительной сделки, а его кредитор находится в процессе банкротства, то требования кредитора к должнику и должника к кредитору возникают одновременно и подлежат удовлетворению без учёта правил, предусмотренных законодательством РФ о несостоятельности. Таким образом интересы кредиторов на справедливое удовлетворение их требований будут удовлетворены, поскольку имущественный баланс между сторонами сделки будет восстановлен. Такое решение будет соответствовать правовой позиции, выраженной в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22.04.2014 № 12278/13¹, в соответствии с которой, оспаривание сделок при банкротстве нацелено на максимально возможное справедливое удовлетворение требований кредиторов.

В свою очередь, материальная консолидация в процессе банкротства представляет собой объединение активов и пассивов юридически обособленных должника и третьих лиц, которые тесно связаны с должником, в единую конкурсную массу для последующего удовлетворения требований кредиторов². Она рассматривается как метод для противодействия злоупотреблению корпоративной формой со стороны должника.

При применении правил материальной консолидации в рассматриваемой ситуации требования всех кредиторов группы будут пропорционально удовлетворяться со всего консолидированного имущества группы. Однако цель возврата имущества в конкурсную массу должника, который передал его по неравноценной сделке, не будет достигнута, а кредиторы не получат того удовлетворения, на которое могли рассчитывать в случае банкротства контрагента, которого они выбирали. К тому же

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.04.2014 № 12278/13 по делу № А19-625/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² Горбашев И.В. Указ. соч. С. 93.

материальная консолидация имеет множество недостатков, поэтому не является лучшим решением указанной ситуации. Очевидным является противоречие с основами корпоративного права, поскольку она «несовместима с принципами ограниченной ответственности юридического лица и отделением имущества юридического лица от имущества его контролирующих лиц»¹. Ещё одна проблема материальной консолидации – создание ложных представлений о платежеспособности контрагента, а как следствие, рост стоимости кредита и ущемление одной группы кредиторов в пользу другой. Получается ситуация, в которой кредиторы разных компаний оказываются вынужденными делить активы их должников друг с другом. В таком случае удовлетворение требований кредиторов более обеспеченной компании будут уменьшаться за счёт включения конкурирующих требований кредиторов менее обеспеченной компании. Происходит перемена лиц в обязательстве без воли на то кредитора, что противоречит общему подходу к уступке прав и переводу долга, изложенными в ГК РФ, согласно которым личность кредитора может смениться без воли должника, но никак не наоборот. Этими же рисками обоснованы и рост стоимости кредита, и ущемление одной группы кредиторов в пользу другой.

Применение такого способа защиты как **включение активов в ту конкурсную массу, в которой они справедливо и должны были находиться**, также способствует решению поставленной проблемы. В этом случае более ценный актив будет возвращён в конкурсную массу должника, в которой он и должен был находиться до заключения оспариваемой сделки, а менее ценный актив будет передан бывшему контрагенту по недействительной сделки. Недостатком указанного решения является наличие такого оценочного критерия, как справедливость принадлежности актива должнику. Ещё Г.Ф. Шершеневич отмечал, что основной целью конкурсного процесса является

¹ Шайдуллин А.И. Банкротство группы компаний в США и Германии (сравнительно-правовое исследование). М., 2020 (режим доступа: Библиотека Российской школы частного права). С. 56.

справедливое и равное удовлетворение требований всех кредиторов¹, поэтому понятие справедливости для института несостоятельности (банкротства) является одним из основных ориентиров для решения спорных ситуаций, которые не регламентированы прямыми нормами закона.

Анализ приведённых выше решений позволяет сделать вывод о том, что в случае признания недействительной сделки, заключённой между двумя лицами, находящимися в банкротстве, если был причинён вред конкурсной массе любого из должников, необходимо предусмотреть либо особые последствия недействительности, либо способ защиты посредством включения активов в ту конкурсную массу, в которой они справедливо и должны были находиться. Указанная проблематика, несомненно, касается и предпринимательских объединений, в отношении которых отсутствие подобного регулирования позволяет оказать предпочтение кредиторам одной из компаний объединения посредством заключения недействительных сделок, последствия которых не могут быть реализованы.

Особенности применения последствий недействительности внутригрупповых сделок рассматриваются в деле о банкротстве ООО «БПК-Трейдинг» (далее – должник). В **Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2022 № Ф09-2644/21**² рассматривалось дело об оспаривании платежей, совершённых должником по оплате в пользу GUDDY FARMS LIMITED 2008 (далее – фермерская компания) за общество «Башкирский птицеводческий комплекс имени М. Гафури» (далее – БПК). Между БПК и должником был заключён договор поставки, согласно которому оплата в пользу фермерской компании является встречным предоставлением за поставку товаров. Судами первой и второй инстанций указанные договоры были признаны недействительными, применены последствия недействительности сделки в виде взыскания с общества БПК в пользу

¹ Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – М.: Статут. 2021. – С. 102.

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2022 № Ф09-2644/21 по делу № А07-30065/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

должника суммы задолженности. Суд кассационной инстанции отменил решения судов, поскольку целью оспаривания сделок является возврат сторон оспоренной сделки в исходное положение, предшествующее сделке. Однако в силу закона к лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству в соответствии со ст. 387 ГК РФ, поэтому денежное требование БПК перед должником в сумме произведённой оплаты имелось и без признания платежей недействительными сделками. В свою очередь, заключённая между БПК и должником сделка является обычной хозяйственной практикой в рамках внутригрупповых отношений. Таким образом, аффилированность должника и ответчика не изобличает стороны в злоупотреблении, а объясняет экономические мотивы совершённых платежей.

Указанное решение в дальнейшем было поддержано в Определении Верховного Суда РФ от 15.03.2023 № 309-ЭС23-363(3)¹. Можно сделать вывод, что важной особенностью применения последствий недействительности внутригрупповых требований является исследование целесообразности материально-правовых последствий оспаривания сделок должника и изучение их хозяйственной цели.

Вышеуказанный анализ проблематики, связанной с применением последствий недействительности внутригрупповых сделок, позволяет автору определить несколько особенностей их регулирования.

1. Если сделка между членами одного предпринимательского объединения, находящимися в банкротстве, признаётся недействительной и наличествует вред, причинённый конкурсной массе любого из должников, применение обычных последствий недействительности не достигает цели справедливого распределения активов должника между его кредиторами. В таком случае необходимо законодательно предусмотреть либо особые последствия недействительности, либо способ защиты посредством включения

¹ Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2023 № 309-ЭС23-363(3) по делу № А07-30065/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

активов в ту конкурсную массу, в которой они справедливо и должны были находиться.

2. При применении последствий недействительной сделки в отношении внутригрупповых требований необходимо исследовать целесообразность их применения, а также оценить хозяйственную цель сделки, которая является основанием такого требования.

§ 3. Субординация внутригрупповых требований при банкротстве

Субординация требований кредиторов является одним из способов защиты интересов кредиторов в банкротстве. Как отмечает Е.В. Широкова, одной из целей субординации является создание оптимальной модели урегулирования конфликта законных интересов участников дела о банкротстве посредством установления и понижения позиции требования кредиторов¹.

Первым делом по банкротству, в котором была применена субординация требований кредиторов, был *Salomon v A Salomon & Co Ltd*². Соломон являлся владельцем компании *Salomon & Co Ltd* (далее – должник) и получил от неё облигации на своё имя, после чего компания обанкротилась. Когда владелец компании встал в одну очередь удовлетворения требований кредиторов вместе с остальными внешними кредиторами, возник вопрос о справедливости такого решения. По этой причине его требования были переклассифицированы как корпоративные и их субординировали.

В российском праве институт несостоятельности в советский период не развивался в силу исторических причин, связанных с отсутствием банкротства в плановой экономике, поэтому полноценное регулирование субординации требований кредиторов появилось относительно недавно. Основным правовым актом в этой сфере является Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (далее – Обзор по субординации)³.

Первым примером применения субординации требований кредиторов является Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 10254/10 в деле о банкротстве ОАО «Новосибирский хладокомбинат»⁴. В рассматриваемом деле указано, что составляющие в своей совокупности высший орган

¹ Широкова Е. В. Эффективность гражданско-правового механизма субординации требований кредиторов в деле о банкротстве корпораций // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 90.

² *Salomon v. A Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22.

³ «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц» // СПС «КонсультантПлюс». (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020)

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.11.2010 № 10254/10 по делу № А45-808/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

управления общества должника акционеры несут ответственность за эффективность деятельности самого общества и несут риск негативных последствий своего собственного управления.

К тому же в российском правопорядке применяется только одна модель субординации – понижение очереди удовлетворения требований кредиторов. Однако, как отмечает Шайдуллин А.И., в зарубежных правопорядках существуют несколько классических моделей субординации. В немецкой модели в очерёдности понижаются все требования участников или акционеров, кроме привилегированных миноритариев и санации. В Италии и Австрии понижение очерёдности происходит только в случае, если займы участников были предоставлены в трудной экономической ситуации для общества. В США, в частности в деле *Salomon v A Salomon & Co Ltd*, используется модель, подразумевающая переквалификацию требований участника как корпоративных. К тому же в США существует справедливая субординация, которая применяется в ситуациях, когда действия руководителя содержат какой-либо порок, который привёл к причинению вреда иным кредиторам, в данном случае требования подлежат субординации только в объёме причинённого вреда¹. Отдельно следует отметить договорную субординацию, основанную на соглашении о субординации, в соответствии с которым очерёдность удовлетворения требований одних кредиторов может повышаться за счёт других, но только тех, которые являются участниками такого соглашения.

Общие критерии для понижения очерёдности требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц содержатся в Обзоре по субординации.

К ним относятся наличие отношений контроля либо аффилированность кредиторов с должником. Однако, в соответствии с п. 2 Обзора по

¹ Мифтахутдинов Р.Т. Шайдуллин А.И. Понижение в очерёдности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. С. 8.

субординации, одного этого факта недостаточно для понижения очерёдности таких требований, поскольку предоставление подконтрольному лицу финансирования не свидетельствует о том, что обязательство по его возврату вытекает из участия в уставном капитале. Необходимо оценить, осуществляется ли такое финансирование добросовестно, в частности, не направлено ли оно на создание фиктивной кредиторской задолженности или уклонения от исполнения обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве, не нарушает ли права и законные интересы независимых кредиторов.

В п. 3 Обзора по субординации содержится ещё один самостоятельный критерий для субординации требований контролирующих должника лиц. Это предоставление финансирования в период имущественного кризиса подконтрольного субъекта. Под имущественным кризисом понимается наличие признаков банкротства подконтрольного субъекта, то есть неплатёжеспособности или неоплатности, закреплённых в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Однако важно понимать, что этот список не является исчерпывающим для установления кризисной ситуации, он служит ориентиром для её определения. Таким образом, контролирующие должника лица несут повышенную ответственность за финансирование подконтрольных компаний в условиях кризиса, которая выражается в понижении очерёдности их требований при наступлении банкротства, что соответствует цели противодействия переносу рисков предпринимательской деятельности на внешних кредиторов.

Важно отметить, что финансирование должника может выражаться в различных формах, в частности, в отказе от реализации права на досрочное исполнение займа, в предоставлении отсрочек по исполнению договора, в невостребовании контролирующим лицом займа в разумный срок после истечения срока его предоставления, в передаче имущества в пользование по договору аренды и прочее.

Таким образом, для субординации требований достаточно либо отношений контроля или аффилированности между лицами и недобросовестного осуществления финансирования, либо предоставления финансирования контролирующим лицом в условиях имущественного кризиса подконтрольной организации.

В отношении внутригрупповых сделок также не предусмотрено специальных правил для применения субординации требований кредиторов. Для того чтобы понять, все ли случаи субординации относятся к внутригрупповым сделкам необходимо сравнить понятия аффилированного и контролирующего лица, используемых в Обзоре по субординации, и понятие предпринимательского объединения.

Определение предпринимательского объединения было сформулировано в первом параграфе первой главы настоящей работы. Оно представляет собой совокупность физических и юридических лиц, объединённых общим экономическим интересом, едиными управленческими и (или) производственными процессами, находящимися под контролем одного или нескольких лиц.

Понятие аффилированности для целей субординации толкуется расширительно, поскольку к критериям, предусмотренным в Законе РСФСР от 22.03.1991 №948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», добавляется понятие фактической аффилированности. К тому же, сохраняются формальные критерии, в частности, наличие у лица права распоряжаться более чем 20% общего количества голосов.

Вместе с тем, понятие контролирующего должника лица в сравнении с закреплённым в 61.10 Закона о банкротстве сужается, поскольку принципиально важно, чтобы контролирующее лицо прямо или косвенно являлось бенефициаром и имело цель получения прибыли. Необходимо

наличие прямого или косвенного интереса в прибыли общества¹. В свою очередь, для признания лица контролирующим должника в смысле 61.10 Закона о банкротстве необязательным является интерес в прибыли общества, важен сам факт контроля, поэтому даже номинальный директор может быть признан контролирующим должника лицом.

В случае с предпринимательским объединением, в отличии от требований к контролирующему лицу в рамках субординации, необходимо установить именно контроль. Однако общность управленческих и производственных процессов всегда говорит о том, что у любого члена объединения есть косвенный интерес в прибыли всего объединения, в том числе и других подконтрольных участников. Таким образом, члены предпринимательского объединения будут всегда выступать контролирующими лицами, но этого недостаточно для субординации их требований. При этом критерии аффилированности шире, чем критерии контроля, поэтому не все лица, признаваемые аффилированными, будут членами предпринимательского объединения, в частности, участие в капитале общества, входящего в группу, в размере 20 процентов от общего числа голосов не означает, что такое лицо объединено с членом группы производственными и управленческими процессами.

В качестве примера внутригрупповых требований, которые удовлетворяются наравне с остальными внешними кредиторами, можно привести дело о банкротстве ООО «Электросетьстрой» (далее – должник). В Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 04.05.2023 № Ф09-1746/23², оставленного в силе Определением Верховного Суда РФ от 28.08.2023 № 309-ЭС23-14271(1,2)³ рассматривалось требование о субординации требований ООО «ВК-Строй» к должнику, поскольку они являются

¹ Мифтахутдинов Р.Т. Шайдуллин А.И. Указ соч. С. 33-35

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.05.2023 № Ф09-1746/23 по делу № А60-8404/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2023 № 309-ЭС23-14271(1,2) по делу № А60-8404/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

финансированием должника в период имущественного кризиса. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении требований заявителя и признали требования ООО «ВК-Строй» подлежащими включению в конкурсную массу в порядке третьей очереди. Кассационный и Верховный суды с выводами судов согласились, поскольку, хоть руководитель должника и является отцом учредителя ООО «ВК-Строй» и они совместно осуществляют хозяйственную деятельность, в связи с чем они являются аффилированными лицами, входящими в одно предпринимательское объединение, в спорный период деятельность должника была прибыльной, а активы превышали имеющийся размер кредиторской задолженности. Таким образом, должник не находился в состоянии имущественного кризиса, а в соответствии с п. 2 Обзора по субординации одного факта аффилированности кредитора недостаточно для понижения очередности его требований. Доказательства, безусловно свидетельствующие о недобросовестных действиях сторон при предоставлении финансирования не были предоставлены заявителем.

В рассматриваемом судебном споре отчётливо показано, что отнесение лиц к одному предпринимательскому объединению и заключение между ними внутригрупповых сделок, не всегда является основанием для субординации их требований.

Рассмотренные в настоящей работе правила применения субординации в отношении внутригрупповых требований позволяют автору сделать следующие выводы.

1. Для решения вопроса о понижении очередности удовлетворения внутригрупповых требований нет необходимости в применении особых правил, отличающихся от установленных в Обзоре по субординации.

2. Не любые внутригрупповые сделки соответствуют критериям, предусмотренным для субординации требований кредиторов, контролирующих должника или аффилированных с ним.

Заключение

По результатам настоящего исследования установлено, что внутригрупповые сделки являются обычной хозяйственной деятельностью для участников гражданского оборота, неотъемлемой частью развивающейся экономики России. Однако осложнение привычных правоотношений участием предпринимательских объединений создают множество сложностей для современных правовых систем, которые необходимо разрешать посредством законодательного регулирования и судебного нормотворчества, с чем отечественный правопорядок благополучно справляется.

Посредством проведения сравнительно-правовых и доктринальных исследований установлено, что понятие предпринимательской группы включается в себя 3 квалифицирующих признака, составляющих сущность этого явления. К ним относятся: обособленность юридической личности участников физических и юридических лиц, наличие контроля, функциональное единство участников предпринимательской группы. Это позволяет определить рассматриваемое понятие как совокупность физических и юридических лиц, объединённых общим экономическим интересом, едиными управленческими и (или) производственными процессами, находящимися под контролем одного или нескольких лиц. Приведённое понятие помогает отделить предпринимательские группы от иных лиц, находящихся в отношениях связанности, зависимости или контроля.

В свою очередь, для целей определения группы сделок, к которым должны применяться особые правовые последствия определено понятие внутригрупповых сделок. Посредством сравнительно-правового анализа, обобщения судебной практики и научного моделирования определены следующие квалифицирующие признаки: участие стороны правоотношения в предпринимательском объединении; возникновение экономических или правовых последствий у участника предпринимательского объединения вследствие действий другого участника предпринимательского объединения;

существование интереса в заключении сделки в связи с участием лица в предпринимательском объединении. Рассмотренные квалифицирующие признаки внутригрупповых сделок позволяют определить рассматриваемое понятие как юридические действия участника предпринимательского объединения, основанные на интересе, обусловленном участием лица в таком объединении, влекущие правовые или экономические последствия для другого участника предпринимательского объединения.

Изученная судебная практика по оспариванию внутригрупповых сделок в России позволяет выделить следующие особенности их оспаривания.

1. Экономическая обоснованность внутригрупповых сделок оценивается с учётом возможности получения выгоды для должника косвенным путём, а именно посредством реализации группового интереса.

2. Признание сделки экономически целесообразной не конвалидирует её, поэтому наличие признаков любого состава для оспаривания сделки, даёт основание суду признать соответствующую сделку недействительной.

3. Принадлежность поручителя и должника к одному предпринимательскому объединению при условии независимости кредитора устанавливает презумпцию экономической целесообразности заключённых сделок и переносит бремя доказывания недобросовестности действий должника на лицо, утверждающее о порочности таких требований.

4. Если должник, кредитор и поручитель состоят в одном предпринимательском объединении, то на них возлагается бремя доказывания разумных экономических мотивов обеспечительной сделки, а также устанавливается презумпция нацеленности сделки на причинение вреда имущественным правам кредиторов.

5. Внутригрупповые сделки, приводящие к банкротству должника, не могут являться экономически обоснованными.

Исследование последствий недействительности внутригрупповых сделок позволяет определить несколько особенностей их регулирования и возможные пути решения поставленных проблем. Применение последствий недействительности к сделке между членами одного предпринимательского объединения, находящимися в банкротстве, в случае причинения вреда конкурсной массе любого из должников, не достигает цели справедливого распределения активов должника между его кредиторами. По этой причине необходимо законодательно предусмотреть либо особые последствия недействительности, либо способ защиты посредством включения активов в ту конкурсную массу, в которой они справедливо и должны были находиться. К тому же при применении последствий недействительной сделки в отношении внутригрупповых требований необходимо исследовать целесообразность их применения, а также оценить хозяйственную цель сделки, которая является основанием такого требования.

Анализ применения правил субординации требований кредиторов в отношении внутригрупповых требований позволяет сделать выводы о том, что в этой сфере не требуется специальное регулирование в отношении внутригрупповых сделок. Кроме того, следует установить, что не любые внутригрупповые сделки соответствуют критериям, предусмотренным для субординации требований кредиторов, контролирующих должника или аффилированных с ним.

В завершение настоящей работы следует отметить, что существующее правовое регулирование внутригрупповых сделок в банкротстве является достаточным, хоть и не лишено недостатков. Вместе с тем, является необходимым закрепление в законодательстве одного из возможных вариантов решения проблемы применения последствий внутригрупповых требований. К тому же представляется правильным законодательное закрепление уже выработанных судебной практикой особенностей оспаривания

внутригрупповых сделок, поскольку это будет способствовать созданию правовой определённости для участников гражданского оборота.

Список используемых источников и литературы

Нормативные правовые акты

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. №31. Ст. 3824.
3. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // «Ведомости СНД и ВС РСФСР». 1991. № 16. Ст. 499.
4. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1993. №2. Ст. 56.
5. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
6. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. №7. Ст. 785.
7. Федеральный закон от 26.02.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
8. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
9. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. №1. Ст.1.
10. Regulation (EU) № 648/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on OTC derivatives, central counterparties and trade repositories // URL: <https://www.esma.europa.eu/publications-and-data/interactive-single-rulebook/emir>.

Проекты федеральных законов и иные официальные документы

11. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления

особенностей банкротства предпринимательских групп» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.04.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

Материалы судебной практики

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.11.2010 № 10254/10 по делу № А45-808/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.02.2014 № 14510/13 по делу № А67-6922/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.04.2014 № 12278/13 по делу № А19-625/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
19. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

20. «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
21. Определении Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2015 № 308-ЭС15-1607 по делу № А63-4164/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2023 № 309-ЭС23-363(3) по делу № А07-30065/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.07.2017 № 18-КГ17-92 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
26. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.03.2018 № 307-ЭС17-18665 по делу № А56-81591/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
27. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652(1) по делу № А43-10686/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
28. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2018 № 304-ЭС17-21427 по делу № А67-4289/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
29. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2018 № 305-ЭС18-15086(3) по делу № А40-111492/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2021 № 305-ЭС18-18386(3) по делу № А40-239363/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.02.2022 № 305-ЭС20-11205 по делу № А40-83941/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
32. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.08.2023 № 309-ЭС23-14271(1,2) по делу № А60-8404/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
33. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2022 № Ф09-2644/21 по делу № А07-30065/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
34. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.05.2023 № Ф09-1746/23 по делу № А60-8404/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
35. Salomon v. A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22.

Научная литература

36. Горбашев И.В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. ЕКБ., 2022.
37. Гурьянов А.В. Ограниченная ответственность и возникновение холдингов: исторический обзор // Предпринимательское право. 2022. №4. С. 76-80.
38. Гурьянов А.В. Преодоление запрета на существование хозяйственных обществ, единственным участником которых является другое общество «одного лица» // Право и экономика. 2022. № 5. С. 36-41.
39. Громов А.А. Согласие третьего лица на совершение сделки // Опыты цивилистического исследования: Сб. ст. / Отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б.

- Щербаков. Вып. 3: специальный выпуск к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. М., 2019. С. 59-85.
40. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. / под редакцией члена-корреспондента РАН В.С. Нерсесянца – М.: ИНФРА, 1996.
41. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // «Вестник гражданского права», 2014, № 1.
42. Карелина С.А. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) предпринимательской группы // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии: сборник статей / отв. ред. Е.П. Губин, Е.Б. Лаутс. М.: Юрист, 2010. С. 87-96.
43. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М., 2004.
44. Лотфуллин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве. М.: Статут, 2019.
45. Мифтахутдинов Р.Т. Шайдуллин А.И. Понижение в очерёдности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9.
46. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 2. – М.: Статут, 2019.
47. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019.
48. Новицкая А.А. Учение о синаллагматическом договоре в римском праве. Контракт Лабейона. // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 20-59.

49. Результаты процедур в делах о банкротстве за 3 кв. 2023. // URL: <https://fedresurs.ru/news/fc4b35b2-fb4e-4ac3-bc8b-e9c04e966b08>.
50. Сеньшин А.Е. Несостоятельность (банкротство) предпринимательской группы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
51. Сеньшин А.Е. «Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства)» // «Актуальные проблемы российского права», 2022, № 8. С. 111-117.
52. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2022 // URL: <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c>.
53. Суханов Е.А. Предмет корпоративного права // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова, Москва - Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / отв. ред. Б.М. Гонгало, В. Ем. М.: Статут, 2014.
54. Шайдуллин А.И. Банкротство группы компаний в США и Германии (сравнительно-правовое исследование). М., 2020 (режим доступа: Библиотека Российской школы частного права).
55. Ширвиндта А.М. Значение фикции в римском праве. М.: Статут, 2013,
56. Широкова Е.В. Эффективность гражданско-правового механизма субординации требований кредиторов в деле о банкротстве корпораций // Юридическая наука. 2021. № 4. – С. 88-94.
57. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – М.: Статут. 2021.
58. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. – Казань.: Университетская типография, 1890.
59. Шухорт Р.А. Правовая природа исполнения договорного обязательства в немецкой цивилистической доктрине XIX-XX вв. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 4. С. 541-564.

60. Beckhaus, G. K. (2013) Die Rechtsnatur der Erfüllung. Tübingen, Mohr Siebeck // 2013. XX, 421 Seiten.
61. Didier P. Droit commercial. PUF. 1999. Vol. 2.
62. Dine J. The Governance of Corporate Groups. Cambridge, 2000. – T. 1.
63. Ho, Virginia (2012) «Theories of Corporate Groups: Corporate Identity Reconceived» Seton Hall Law Review: Vol. 42: Iss. 3, Article 2.
64. Hopt K.J. Groups of Companies. A Comparative Study on the Economics, Law and Regulation of Corporate Groups // ECGI Working Paper Series in Law. 2015.
65. Pariente M. The Evolution of the Concept of «Corporate group» in France. // European Company and Financial Law Review. 2007.
66. Report on the Recognition of the Interest of the Group. 2016. October // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2888863.
67. Squire R. Strategic Liability in the Corporate Groups // The University of Chicago Law Review. 2011. Vol. 78.